18+

Валерий Федорович
Красовский

Письма из прекрасного далека

Книга шестая. Минуя озеро Байкал

Валерий Красовский

Письма из прекрасного далека. Книга шестая. Минуя озеро Байкал

«Издательские решения»

Красовский В. Ф.

Письма из прекрасного далека. Книга шестая. Минуя озеро Байкал / В. Ф. Красовский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938176-7

Автор на примере героя своего повествования описывает жизнь военных медиков в период семидесятых годов двадцатого века. Книга проиллюстрирована фотографиями той поры, приведена эпистолярная подборка.

ISBN 978-5-44-938176-7

© Красовский В. Ф.
© Издательские решения

Содержание

МИНУЯ ОЗЕРО БАЙКАЛ 6
ТАМПОН 20
СОН 22
МЕЧТЫ И БУДНИ 23
НЕОЖИДАННЫЙ ФИНАЛ 24
НЕОПРАВДАННАЯ ТЕРПИМОСТЬ 26
НАКАНУНЕ 27
ВСЕ, ЧТО СМОГЛИ 29
ГРИБНОЙ МИРАЖ 30
КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС И ЛЮБОВНЫЕ ПЕРЕТАСОВКИ 32
ИСПЫТАНИЕ ИЗДЕЛИЯ 34
КОНФЛИКТ 36
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Письма из прекрасного далека
Книга шестая. Минуя озеро Байкал
Валерий Федорович Красовский

© Валерий Федорович Красовский, 2018
ISBN 978-5-4493-8176-7 (т. 6)
ISBN 978-5-4493-8177-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МИНУЯ ОЗЕРО БАЙКАЛ

В повествованиях этого периода новые действующие лица, впечатления, умозаключения, практические выводы и, естественно, авторское присутствие. Если к фотоэтюдам миновавшего безвозвратно времени приложить сюжеты сохранившихся писем, то можно получить очарование воспоминаний.

От подножия «Сопки любви» начинались все прогулки местных жителей.

Неподалеку от жилых строений протянулись ограждения одной из воинских частей.

Котельные, жилые здания, казармы и людская суета остались внизу.

С обоих сторон тропинки были впечатляющие ландшафты.

Внимание привлекла белка, пробежавшая по стволу сосны.

Довольно широкая пешеходная дорожка с высотой постепенно суживалась до тропинки.

Вокруг во множестве лежали сосновые шишки.

На фоне одного из скалистых нагромождений.

Кроме молодой сосновой поросли встречалось немало степенных, покрытых толстой корой, древесных старожилов.

Нагретые солнцем валуны излучали тепло.

Выше не смогли вскарабкаться даже сосны.

На самой высокой точке нашего маршрута располагались величественные каменные нагромождения. Воздух был чист и насыщен ароматом хвои.

В отдалении обозначили себя другие вершины хребта Черского. Огибая подножия сопок, по распадкам и долинам Забайкалья струились холодные водяные потоки, сливавшиеся в речки. Одна из них, словно живая сущность, носила имя Антипиха.

Для того, чтобы подняться на самую верхотуру, требовались немалые усилия. Мест для кратковременных привалов было предостаточно.

Весна уже утвердилась, среди ветвей мелькали птицы.

Фотографии помогают вспоминать места, в которых мы оставили частицы своей души.

Вот такие виды открывались с высоты… Почти до северного полюса.

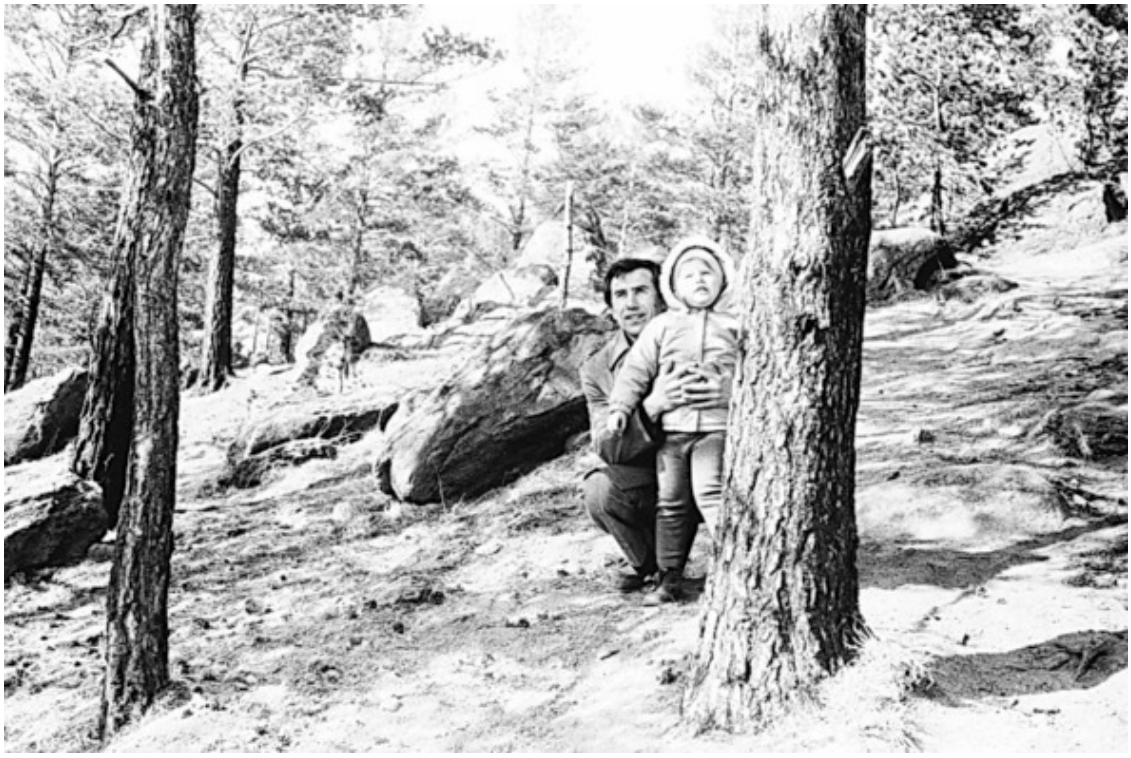

ТАМПОН

Это была первая полостная операция старшего лейтенанта Шувалова Василия Фомича по прибытии в Забайкалье. Шел то ли второй, то ли третий день его адаптации к новой должности. Он с женой, то же врачом, расположился временно в одной из свободных палат для больных. Дочь они оставили у бабушки, так как заранее были предупреждены о возможных сложностях с проживанием. На утреннем строевом смотре к командиру батальона, соблюдая уставной регламент, обратился сержант-санитар из приемного отделения и сказал, что из ближайшей части доставлен заболевший. С трудом, поборов в себе внутренние сомнения и нежелание отпускать кого-либо из врачей на практическую работу прямо из замершей в ожидании шеренги, командир батальона, врач из когорты начальников известной строгой дисциплинарной категории, разрешил Шувалову покинуть мероприятие и осмотреть больного солдата. У поступившего была типичная клиника острого аппендицита с выраженными симптомами раздражения брюшины. Давность от начала болезни более суток. Шувалов остался оперировать больного. Отросток располагался в малом тазу, его пришлось удалять ретроградным способом. На это ушло время. В операционную зашел ведущий хирург медицинского батальона, его предыдущую должность заведующего отделением теперь занял Шувалов, и спросил:

– Помощь нужна?

– Нет, не нужна, – ответил оперирующий. – Скоро закончу.

Ассистировала на операции медицинская сестра, бурятка по национальности. Свое дело она знала хорошо.

Отросток был на стадии флегмонозно-гангренозного воспаления и, естественно, что окружающие ткани среагировали. Послеоперационную рану пришлось дренировать тампоном. Едва Шувалов успел закончить оформлять историю болезни, как в ординаторскую ворвался предыдущий ведущий хирург батальона в звании майора и начал кричать, можно было даже сказать орать на новенького:

– Немедленно убери тампон! Я приказываю!

Шувалов был ошеломлен. Такого отношения между врачами он прежде не встречал. Немного помедлив, чтобы овладеть собой и не нагрубить в ответ, отложив в сторону лист назначений, Шувалов спокойно ответил: – Я ничего убирать не буду, так как все сделал правильно. Если хотите, то можете это сделать сами, но это я отмечу в истории болезни.

Шувалов начал испытывать определенное волнение за исход операции, думая, что к больному направится этот человек, который недавно получил направление в медицинскую академию в клиническую ординатуру. К счастью он уже не имел должностного права делать этого. Высыпав еще несколько словесных тирад, покрывшись гневным румянцем, он некоторое время стоял в замешательстве от спокойной и стойкой убежденности Шувалова.

– Не, волнуйтесь! На шестые сутки я уберу дренаж, а еще через два-три дня закрою рану.

«Академик» посмотрел на храброго старшего лейтенанта с недоверием и некоторым удивлением, а затем куда-то исчез. Примерно через три часа в отделение приехал главный хирург округа, интеллигентный вежливый офицер. Он был в звании подполковника. Шувалов по просьбе прибывшего шефа снял несколько швов и показал ему ложе червеобразного отростка. Брюшина в том месте была багрово черного цвета. Вернувшись в ординаторскую, главный хирург оделся, пожал Шувалову руку и уехал, сказав:

– Все правильно! Без дренажа был бы риск развития абсцесса. До свидания! Желаю успехов.

Вскоре Шувалову стало известно, что накануне бывший ведущий хирург, а теперь убывающий в Ленинград, неудачно тампонировал рану. Дело закончилось развитием разлитого перитонита. Больной был переведен в окружной госпиталь, где долго лечился. С этим челове-

ком Шувалову уже не доводилось больше встречаться. В период афганской кампании какое-то время он был в сороковой армии. Шувалов в это время занимался обеспечением этого контингента необходимыми диагностическими и лечебными средствами на основе человеческой донорской крови.

По истечении шестых суток у прооперированного солдата был извлечен дренаж, а еще через три дня, когда из раны уже ничего не выделялось, Шувалов окончательно ее зашил двумя стежками. Заглянувший в это время в перевязочную будущий питерский светила был явно под впечатлением от исхода операции и осуществленной лечебной тактики, и как показалось Василию Фомичу, на лице его даже читалась нескрываемая досада. Больной был выписан с выздоровлением.

Спустя годы, вспоминая об этом случае, Шувалов в душе все же был благодарен «академику», который, пригласив главного хирурга округа, тем самым подстраховал его. Течение болезни зависит от множества, часто непредсказуемых факторов, а для Василия Фомича исход первой операции являлся, можно сказать, тестом на его профессионализм.

СОН

Шувалову снился сон, что вдоль перрона по шпалам бежит человек в солдатской униформе и кирзовых сапогах. Двигаясь по тому же пути, его медленно настигал тепловоз, тянувший вереницу груженых вагонов. Машинист тепловоза отчаянно сигналил. Расстояние между бегущим солдатом и составом неуклонно сокращалось. Несколько человек, стоящих на перроне с ужасом наблюдали за происходящим. Через десяток метров перрон заканчивался, там можно было повернуть направо, чтобы спастись. Бегущему человеку не составляло труда отпрыгнуть влево. Между путями достаточно пространства, чтобы остаться невредимым. Но он боялся это сделать, видимо потому, что по соседнему пути двигался встречный состав. Колеса тепловоза не вращались из-за экстренного торможения и оставляли позади себя шлейфы искр. Состав замедлял движение. Когда до конца перрона оставалось всего-то пара метров, тепловоз сбил несчастного и протащил по рельсам, прежде чем остановиться. Путевые рабочие извлекли изуродованное тело из-под колес. Поезд двинулся дальше. Шувалов проснулся весь мокрый от холодного пота. До звонка будильника оставалось около часа, но заснуть он больше не смог.

Утренний развод проходил, как обычно. Было туманно. Стояла осень. Сопки были в багрянце. Перед глазами у Шувалова возникло лицо комбата. Шел строевой смотр перед комиссионной проверкой.

– О чем задумались, Василий Фомич? – спросил его Гуров.

– О чем еще думать, как не о работе, – уклончиво ответил Шувалов.

– Петлицу надо подшить, – показал пальцем комбат и перешел к следующему офицеру.

Утренний морозный воздух освежал и вскоре в голове у Шувалова исчез последний призрак ночного видения. Со стороны штаба строевым шагом через плац к Гурову подошел посыльный и, получив разрешение обратиться, сказал:

– Товарищ капитан, звонили с железнодорожной станции. Просят прислать медицинский уазик. Там кого-то сбил поезд.

Шувалов слышал сообщение, так как комбат стоял рядом.

– Василий Фомич, съездите на станцию! – обратился к нему Гуров. – Разберитесь в чем дело. Если потребуется окажите помощь. Строевой смотр вы уже прошли.

Подъехав к железнодорожной станции, Шувалов вышел из машины и направился выяснять у начальника станции причину вызова.

– Похоже, что погиб кто-то из военных, – сообщил тот.

С сопровождающими его путейцами Шувалов осмотрел место происшествия. Спасать было некого.

На железнодорожных путях в разных местах лежали: туловище пострадавшего, правая нога, обутая в кирзовый сапог, дальше левая с обнаженной стопой, голова была на своем месте, но раздавлена, лицо изуродовано. Все это напоминало продолжение ночного кошмарного сна. Останки собрали, погрузили в уазик. Шувалов доставил найденные части тела в военный морг для проведения экспертизы.

В отделении уже кипела работа. Василий Фомич переоделся в спецодежду и пошел оперировать очередного больного. Он не верил в вещие сны и посчитал это случайным странным совпадением.

МЕЧТЫ И БУДНИ

Когда командир медицинского батальона капитан Гуров медленно и грузно выходил, минуя сварное с небольшой калиткой ограждение штабного здания, спускался вниз к плацу по нескольким ступенькам, затем отмеряя шагами бетонные плиты, приближался к выстроившимся на утренний развод офицерам, выставив вперед свой массивный подбородок, подчиненные напряженное замирали, ожидая команды начальника штаба: «Сми-и-и-рно! Равнение… на… средину!» и последующего доклада. Затем следовало, как всегда:

– Здравствуйте, товарищи офицеры!

– Здравжлав твариш капитан! – слышалось в ответ.

В то утро ответ получился сбивчивым, разноголосым, без энтузиазма. Пришлось его повторить несколько раз, пока пожелание здоровья единоначальнику не выстрелило убойной очередью.

– Ну, вот теперь хорошо! – удовлетворенно сказал Гуров и мысленно представил себя едущим в автомобиле «Чайка» по Красной площади, где в ответ ему слышалось дружное: «Здражлавтав маршсовюза!»

Несмотря на сильные утренние морозы, распорядок дня не корректировался, а разводы продолжались до тех пор, пока стоящие в хромовых сапогах военные медики не начинали дружно пританцовывать. Смотреть эту лезгинку Гуров не любил и приказывал всем разойтись по рабочим местам.

Медицинский батальон был учебным, как и вся танковая дивизия. В батальоне готовились санитарные инструктора для последующей службы в частях Забайкальского военного округа. По штату было три роты по три взвода, где в качестве преподавателей выступали, как правило, лейтенанты, после медицинских факультетов. В медицинской роте трудились практические врачи, которые весьма неохотно ходили на построения в связи интенсивной загрузкой отделений. В дни оттепелей, когда утренние строевые смотры тупо затягивались, Шувалова Василия Фомича по предварительной договоренности с операционной медсестрой, вызывали в отделение, где работы всегда было предостаточно: запланированные и экстренные операции, перевязки, амбулаторный прием. Один единственный ординатор (позже, правда, дали второго) был то во врачебной призывной комиссии, то обеспечивал какое-нибудь из бесконечной череды учение. Работать Василию Фомичу иногда приходилось по несколько суток кряду, и он появлялся дома, как привидение. Дважды в год в дивизию поступали новобранцы изо всех районов Союза. Заболеваемость, в силу адаптационного синдрома, была очень высокой. У призванных солдат обострялись хронические процессы, частота возникновения пневмоний навевала мысли об эпидемическом характере этой болезни. Менингиты протекали с клиникой токсико-инфекционного шока.

НЕОЖИДАННЫЙ ФИНАЛ

Во время службы в Забайкалье старшего лейтенанта Шувалова в качестве врача на командно-штабные учения начальник медицинской службы дивизии брал с упорным постоянством, а это могло быть от двух до четырех раз в год. Шувалов за несколько дней перед началом этого мероприятия тщательно перепроверял медицинскую укладку, выбрасывал просроченные медикаменты и заменял их новыми. В те времена шприцы хранили в небольших металлических цилиндрических контейнерах, наполненных спиртом, закрывающихся крышкой с резьбой, которую надо было навинчивать настолько плотно, чтобы не протекало содержимое. Разовые медицинские изделия еще не получили распространения, за исключением скарификаторов и небольших игл, которые использовались для прививок. Момент начала учения, был строго засекречен, но, тем не менее, все знали благодаря «офицерской контрразведке», что это случится такого-то числа в четыре тридцать утра, поэтому спали не раздеваясь. Этот хронометрический рубеж в армии называется временем «Ч». И вот в динамиках оповещения в квартирах домов офицерского состава послышался сигнал тревоги. В полном мраке все пришло в движение. Свет зажигать было запрещено. Во дворах был слышен топот сапог многих ног, бегущих в сторону контрольно-пропускного пункта. Умудренные и дальновидные ветераны службы в ту ночь оставались на рабочих местах, не уходя домой, поэтому имели временную фору. Из боксов выводили технику и строили в походные колонны. Командиры вскрывали секретные пакеты с заданием. Медицинский батальон был представлен несколькими машинами, на одной из них, называвшейся автобусом санитарным, ехал начальник медицинской службы дивизии в кабине рядом с водителем. Шувалов расположился в кузове лежа на носилках рядом со своей лекарственной укладкой. Вскоре дивизионная колонна начала движение между забайкальских сопок. Учения были окружные, на которых были представители генерального штаба, поэтому чувство напряженности и нервозность не покидали начальствующий состав. Стоял сентябрь. Склоны сопок были в золоте и багрянце, которые вместе с вечнозеленым фоном елей, сосен и пихт создавали фантастический мозаичный рисунок. Над всем этим великолепием возвышались светло-желтые пирамиды лиственниц. По утрам и ночью было довольно холодно.

На одной из кратких остановок к Шувалову в санитарный автобус заскочил лейтенант из связистов и пожаловался на ноющую боль в животе, изжогу. Шувалов осмотрел его и признаков острой внутрибрюшной патологии не выявил.

– Это у тебя гастрит обострился. Большинство болезней желудка нейрогенной природы. Уедут проверяющие, закончится учение, сразу дела пойдут на поправку. Волнуешся?

– Не то, чтобы, но есть немного.

– Меньше взвода не дадут, дальше Забайкалья не пошлют, – привел доктор ему стандартное местное успокаивающее средство. – Давно служишь?

– Два месяца после училища.

– Женат?

– Да. Но жена осталась у своих родителей с маленьким ребенком.

– Понятно. Питаешься, как придется.

Шувалов дал ему спазмолитическое средство с содой и сказал, что в случае, если состояние не улучшится, прийти повторно. Потом кто-то порезал палец. Пришлось делать перевязку. Приходили клянчить спирт, но, получив ответ, что до конца учений эта тема закрыта, удалились. Потом в проеме дверей возник моложавый представитель особого отдела и, что-то пометив в лабиринтах своего расчетливого аналитического ума, исчез. Амбулаторный прием велся во время кратких остановок. Колонна дивизии двигалась весь день и ночь и только на рассвете достигла намеченного района сосредоточения. Место было живописным. Широкая долина, окаймленная таежными сопками, покрытая утренним туманом, едва подсвечивалась восходя-

щим, еще скрытым за горами солнцем. Быстро расставлялись палатки, запускались полевые малогабаритные электростанции. Шувалов заглянул в штабную палатку. Там на двух складных столах ближе к центру лежала большая учебная карта. Командир дивизии и его начальник штаба что-то чертили на ней. Рядом находились представители служб. Один из солдат растапливал походную чугунную печь. Возле тента стоял небольшой столик с нарезанным хлебом и ломтиками сала. Аромат хлеба был неописуемым. Шувалов подошел к своему медицинскому начальнику с тюркской фамилией и доложил о принятых больных. На выходе удалось прихватить ломоть хлеба с салом, густо засеянный тмином. Сводило челюсти от желания тут же попробовать это лакомство. Среди зарослей кустарника уже дымила полевая кухня начальника продовольственной службы. Долину пересекала линия высоковольтной электропередачи. Ее поддерживающие мачты смутно начали выступать в утреннем тумане. Ожидалось прибытие вертолета с проверяющими офицерами из центра. Через несколько минут послышался слабый, но постепенно усиливающийся звук мотора. По району сосредоточения прошла легкая сейсмическая волна последних приготовлений. Неожиданно белый воздушный утренний туман осветился яркой вспышкой, послышался треск, затем звук взрыва. Наступила минута оцепенения. Место катастрофы тут же оцепили. Спасать было уже некого. Учения были свернуты. Началось расследование этого трагического случая.

НЕОПРАВДАННАЯ ТЕРПИМОСТЬ

Утренние разводы для врачей являются одним из моментов, когда можно опросить военнослужащих об их состоянии здоровья. Невзирая на строгие командирские указания о необходимости стойко переносить тяготы и лишения армейской службы и, порой, сержантский произвол, солдаты, как правило, своевременно обращались за медицинской помощью. Особенно заботливы были о своем здоровье призывники из Средней Азии и Кавказского региона.

Такое поведение можно было бы взять за эталон, если бы не эпизоды преувеличенного страха по поводу каждого вскочившего на коже прыща, а иногда и всплесков откровенной симуляции. Второй крайностью было, если не равнодушие к состоянию своего здоровья, то чрезмерная терпимость и скрытность. Такие проявления характера больше наблюдались у призывников со славянских республик. В автомобильном батальоне произошел один очень неприятный случай: солдат потерял сознание и упал во время построения в столовую. Когда его доставили к Шувалову на осмотр, то выяснилось, что он болеет уже несколько дней. Все это время его беспокоили боли в животе, были диспепсические расстройства. За медицинской помощью не обращался. При детальном обследовании у больного была выявлена запущенная паралитическая стадия перитонита. Ввиду тяжести состояния больного, после предварительной консультации с ведущими специалистами округа, он был срочно направлен в окружной госпиталь, который также находился в Чите. Несмотря на экстренно выполненную операцию спасти новобранца не удалось. Врач и руководство автомобильного батальона были наказаны. Шувалову запомнились на всю жизнь родители этого солдата. Они на несколько минут зашли к нему, чтобы более подробно узнать об обстоятельствах болезни своего сына. Шувалов рассказал им все, как было. Язвенный колит привел к перфорации толстой кишки и развитию затем воспалительного процесса, который распространился по всей брюшной полости. У их сына была довольно редкая группа крови. Доноров было мало и Василию Фомичу тоже пришлось дать свою кровь, так как его группа и больного совпадали.

НАКАНУНЕ

Следующие учения не заставили себя ждать. Не прошло и трех месяцев, как Шувалов вновь оказался в санитарном автобусе лежа на носилках, которые покачивались в такт дорожным ухабам. Стояла морозная забайкальская зима. Маршрут колонны пролегал по воспетым диким степям на юго-востоке Читинской области. Дул пронизывающий ветер, подкрепленный тридцатиградусным морозом. Во всех машинах работали обогреватели. Во время остановок в местах максимального возможного затишья за каменистыми уступами, где имелись снежные заносы, из кусков наста спешно строились сооружения для удовлетворения естественных нужд боевых организмов. Чтобы не повредить холодом то место, на котором боевая человеческая единица проводит большую часть своего жизненного времени, выполняя возложенные на нее общественно необходимые функции, ей приходилось действовать быстро и решительно. До самого горизонта простирался пустынный холодный заснеженный пейзаж. Случайные строения на пути движения из почерневшего от времени дерева, казались фантасмагорией, но в них жили люди. Заканчивался третий день учений. У одного из солдат Шувалов диагностировал острый аппендицит, и его пришлось отправить в окружной госпиталь по транссибирской железной дороге. От мерного убаюкивающего покачивания Шувалов вскоре задремал. Ему было приятно. Начали сниться сны вначале приятные, потом похуже. В последнем сне ему представилось, что он лежал на печи в своем давно миновавшем детстве. От кирпичей исходило приятное тепло. Он куда-то проваливался вниз. Летел, летел и не достигал тверди. Тошнота начала подступать к горлу. И тут послышался голос бабушки:

«Вставай, внучек! Я только что закрыла заслонку. Иди, погуляй на улице».

Он встал, надел зимнее пальто, валенки, шапку ушанку, варежки, взял свои лыжи и пошел кататься с горки. Мгновенно сознание из далекого прошлого вернуло доктора в координаты реальности. Шувалов открыл глаза. Перед ним был салон санитарного автобуса с рядами подвешенных носилок. И все же что-то было не так, как обычно. Изменилось его самоощущение. Голова была тяжелой, побаливала, перед глазами плыли желтые круги, изнутри к горлу подкатывал тошнотворный импульс. «Неужели угорел? – мгновенно мелькнула мысль самоосуждения. – Ведь я же единственный практикующий врач на учениях». Через силу приподнявшись, Шувалову удалось открыть вмерзшую боковую оконную створку. Холодный морозный воздух белыми клубами начал врываться внутрь. В глазах посветлело, исчезли желтые круги. «Иногда во время движения в туннелях возникает опасность отравления выхлопными газами, но вокруг открытое пространство, дующий сильно ветер, машины идут на дистанции друг от друга, – размышлял он». Когда продрог, Шувалов закрыл боковое окно и начал принюхиваться. В салоне пахло бензином. Поочередно обследовав все ниши и походные укладки, он, наконец, обнаружил источник своего плохого самочувствия. Водитель автомобиля оставил в салоне канистры и кроме них, несколько тряпок, пропитанных маслом и бензином. Испарения усиливали потоки теплого воздуха от обогревателя. От ветоши исходил, как тогда казалось Шувалову, тошнотворный запах. Он вновь открыл окно и выбросил в них найденные использованные замусоленные обрывки какого-то обмундирования. Кружилась голова и ему пришлось лечь на свое «излюбленное место». Длительных остановок не было до самого вечера, пока участники учений не прибыли в какой-то отдаленный гарнизон. Медицинский начальник Шувалова, подходящий к классификации великого Пирогова на все сто, открыл наружную дверь и голосом, не терпящим возражений, приказал выделить пару сотен граммов spiritus rectification какой-то дивизионной шишке из тылового обеспечения. Шувалову хотелось послать его куда-нибудь подальше, но через силу он сдержался.

– У меня спирт остался только в укладках, – ответил он, – а учения еще не закончились.

Видимо про пол-литровый флакон, изъятый у доктора днем раньше, он преднамеренно забыл, решив проверить на наличие излишков. Но таковых у Шувалова не имелось еще долго – до того времени, пока он не получил в свое распоряжение станцию переливания крови и всю соответствующую службу, но это уже в другое время и в другом военном округе. Прежде чем идти в столовую части на ужин, он прогулялся между казармами городка, пока не стало легче. Затем на ночь проглотил какую-то кашу и выпил стакан чаю. Трудоспособность восстановилась. После острых случаев отравлений или длительных хронических воздействий у некоторых людей появляется, если не аллергия, то сверхчувствительность к этим веществам. С утра следующего дня было тридцатое декабря. Все гадали – снизойдет ли руководство к простым служивым и да не завершит ли учения в срок, и да не позволит ли Новый год встретить со своими семьями. После подведения итогов дивизионная колонна стремглав рванула на Читу и к утру тридцать первого декабря к всеобщему ликованию без потерь достигла цели.

ВСЕ, ЧТО СМОГЛИ

Это случилось во время очередного утреннего построения. За забором части послышались громкие крики, ругательства. Похоже, происходила драка. Через какое-то время с контрольно-пропускного пункта к Гурову подбежал сержант и сказал, что принесли раненого ножом гражданского человека. Случился один из тех немногих моментов, когда командир батальона сам приказал Шувалову покинуть строй и оказать помощь. Раненого, держа за руки и ноги, несли три человека. Шувалов крикнул им:

– Несите сюда! – и рукой показал на дверь приемного отделения.

В палате интенсивной терапии Василий Фомич осмотрел доставленного мужчину примерно тридцати лет. Он был бледен, точнее сказать, бел, как лист бумаги и ни на что не реагировал. На левом бедре примерно на четыре-пять сантиметров ниже паховой складки имелась рана около полутора сантиметров длиной и шириной с полсантиметра. Рана не кровоточила, но диагноз был очевиден: ножевое ранение в верхней трети левого бедра, острое внутриполостное кровотечение; повреждена была, скорее всего, внутренняя подвздошная артерия. Анестезиолог-реаниматолог быстро поставил капельницу и определил группу крови. Дежурный врач вызвал городскую машину скорой помощи. Так как Шувалов был универсальным донором, то он сдал два флакона крови по двести пятьдесят миллилитров. Переливаемая кровь вернула раненому признаки жизни: он порозовел, на лучевых артериях появился пульс. Шувалов дал распоряжение срочно развернуть в оперблоке полевой стол и нести туда пострадавшего, но в это время прибыли гражданские врачи и забрали раненого на капельнице в дежурную больницу. Позже стало известно, что ранение оказалось смертельным, и пострадавший умер. Неизвестно, удалось бы военным медикам спасти этого больного или нет, если бы они взяли его в свою операционную, где шло плановое вмешательство, и единственная медицинская сестра была занята. Это происшествие побудило Шувалова развернуть второй стол и держать его наготове со стерильным комплектом белья для таких происшествий. Но этот второй стол, к счастью, так и не был задействован до момента перевода Шувалова в другое медицинское учреждение и в другую местность.

ГРИБНОЙ МИРАЖ

«Ах, лето красное, любил бы я тебя!» – думал Шувалов, если бы не очередное военно-учебное путешествие по степям и между сибирских северо-читинских сопок, которое длилось около недели. На этот раз «воевали» долго и с удовольствием. Высокое начальство успевало поохотиться и порыбачить. Три штабных учения чуть более чем за полгода – не курорт. Во время отсутствия Шувалова, как хирурга (он заведовал хирургическим отделением) его молодые коллеги все трудные случаи отправляли в соседний окружной госпиталь. Из Монголии на вторые сутки от начала болезни поступил больной с разлитым перитонитом. Его также отправили. Начальник медицинской службы дивизии, который сделал Шувалова своим неизменным попутчиком на всех армейских мероприятиях, получил выговор за плохую организацию диагностической и эвакуационной работы. К его несчастью и к благу Шувалова он в будущем уже оставлял его на базе, где тот брал на себя такие случаи, оперируя больных и ставя их на ноги. Но это в будущем, а тогда колонна подъезжала к паромной переправе. Часть техники прошла своим ходом, а пока не подошли инженеры понтонеры, кое-то переправился на пароме. Санитарный автобус тоже перекочевал на другой берег. Вода в реке была ледяная. Окунулось лишь несколько смельчаков. Над разноцветными камушками отмели стремительно бежали водяные потоки, в которых строго на одном месте, чуть пошевеливая плавниками, барражировали рыбешки. На крючки с наживкой они не реагировали, видимо, у них был какой-то особый жизненный транс полного равнодушия к окружающему. На военных выразительно посмотрела корова, которая тоже переехала вместе со своим хозяином, потом равнодушно отвернулась с обиженным видом. Один из солдат исправил оплошность и дал ей кусочек хлеба. Буренка в ответ облизала ему руку и напоследок хлопчатобумажную ткань гимнастерки. Паром работал в усиленном режиме, переправляя легковые машины местных жителей, телеги с лошадьми, мотоциклетные коляски. Рядом с солдатами весело переговаривалась группа студентов с рюкзаками за спиной, стояло несколько женщин с детьми, куда-то торопились геологи, везя оборудование и провиант на уазике в противоположном направлении. Было жарко, под тридцать. Шла вторая половина июля. По ночам часто шли дожди, но днем неизменно было солнечно. Когда все участники учений переправились, колонна вновь выстроилась в походном порядке и начала движение. До самого горизонта простиралась сложно рельефная типичная забайкальская местность: каменистые нагромождения, окруженные зелеными порослями травы, небольшие возвышения, потом ложбины и низменности с протекающими в них ручьями, иногда встречались сопки, покрытые хвоей и лиственными деревьями. К одному из таких ориентиров местности колонна в тот момент подъезжала. Сопка была пологая, у подножья окружена травой, имевшей настолько интенсивный зеленый цвет под солнечным освещением, что казалась изумрудной россыпью. Но иллюзорность исчезла, когда военные, охватив гору полукольцом машин, остановились. В душе Шувалова было какое-то трудно передаваемое ощущения блаженства от созерцания природной гармонии и пейзажного великолепия. В памяти трудно сохранить все тонкости сюжета, все оттенки красок, всю панораму местности. Шувалов вышел из машины. От свежего воздуха закружилась голова, но скоро организм адаптировался. Он заметил, что некоторые уже побывали на сопке и возвращались оттуда, неся, кто в чем, великолепные подосиновики. Ему пришлось поспешить, чтобы тоже собрать этих лакомых даров природы. Но, как оказалось, он зря волновался. Зайдя в поросль деревьев, он не поверил своим глазам: подосиновики после обильных дождей выросли в таком огромном количестве, что казались то ли искусственной плантацией, то ли природной аномалией. Они были везде: среди травы, между камней, возле деревьев, под ветками, между опавших прошлогодних тлеющих листьев… Шувалов нарезал, сколько смог унести, затем вернулся снова. С вершины сопки

спускалось несколько знакомых ему офицеров-сослуживцев. Они несли в руках и самодельных туесах отборные боровики.

– Где вы их нашли? – спросил Шувалов.

– Там, повыше, где сосны и пихты, – ответил один из них. – Не торопись, их не меньше, чем подосиновиков.

Доктор спешно рванул по склону сопки наверх. Кустарники и лиственные деревья сменили хвойные породы. Столько белых грибов в одном месте Шувалов не видел никогда. Когда шок и потрясение прошли, он начал их срезать и складывать в матерчатую сумку. Когда все, набрали грибов, встал вопрос, как их сохранить. Придумали подвешивать их на нитях в салонах автомобилей, чтобы высыхали во время движения. До конца учения оставалось еще два дня плюс обратная дорога. Все походные заготовки к моменту возвращения, конечно же, стали несъедобными. Шувалову удалось выбрать из всего привезенного лишь на небольшую сковороду.

КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС И ЛЮБОВНЫЕ ПЕРЕТАСОВКИ

Вновь прибывающие в учебную танковую дивизию младшие офицеры с семьями в очень редком случае могли сразу поселиться в квартире. Первое время им приходилось довольствоваться либо служебными кабинетами, либо казарменным помещением, где обычно выделялась и отгораживалась от общего пространства небольшая площадь.

Лейтенант медицинской и фармацевтической службы Казаков Виктор получил назначение на должность заведующего дивизионной аптекой. Он был только в начальном периоде своей молодости, и только приступил к постижению сложного жизненного опыта, однако уже успел жениться на ровеснице, которая родила ему сына пару месяцев тому назад. Казаков был невысокого роста, коренастый, размеренный в движениях, не склонный к налаживанию быстрых дружеских контактов и союзов. Знакомился он с сослуживцами только по необходимости исполнения служебных обязанностей. На построения выходил прямо из своего небольшого кабинета, поэтому от его обмундирования исходил легкий аромат лекарственный снадобий и летучих эфиров.

Аптека располагалась рядом с таким же одноэтажным зданием лаборатории, где трудился давно сложившийся небольшой коллектив из женщин, проживавших в поселке и работавших по вольному найму. Одной из лаборанток была дама в возрасте около тридцати лет с большим круглым лицом, с которого пытливо поглядывали серовато-синие глаза в обрамлении ресниц густо покрытых черной тушью. Казалось, когда она рефлекторно мигала, что тушь черным антрацитом полетит вниз, но та держалась. На ее голове была пышная, покрытая бесцветным косметическим лаком, прическа на основе шиньона. Щеки были щедро, даже избыточно, покрыты румянами. На полных, словно накачанных воздухом губах, в зависимости от настроения хозяйки появлялась то красная, то кирпичного цвета, то бирюзовая помада. Подбородок был мужского типа, но лица не портил. На мочках ушей колебались в такт поворотам головы легко сменяемые клипсы. Росточек у лаборантки был не большой, полнота умеренная. Она имела ребенка, девочку в возрасте первоклашки, которая появилась в ее жизни, то ли в результате замужества, то ли в результате краткой, но яркой страсти. Все это было покрыто непробиваемой тайной.

На небольшой территории медицинского батальона всегда происходило множество пересекающихся людских передвижений служебной необходимости, поэтому все знали друг друга в лицо. Встреча заведующего аптекой и лаборантки по теории вероятности была неизбежной, что и случилось в один из будничных дней. Они обдали друг друга стойко въевшимися в одежду ароматами: он аптекарским скомпонованным из природных трав и рецепторных компонентов, она лаборантским на основе кислот и щелочей. Равнодушно посмотрев друг на друга, он был почти юноша, она уже дама в возрасте, они спокойно разминулись. Но то, что не под силу сознанию, не составляет труда химии. Какие-то неосязаемые реакции в их душах все же были запущены. При каждой новой случайной встрече, они все более «принюхивались» и в итоге осознанно познакомились. Лаборантка стала искать повод в обеденное время наведаться в аптеку и заказать что либо для своего заведения, либо просто проконсультироваться по какому-нибудь медицинскому препарату. Утес супружеской верности в лице лейтенанта Казакова около месяца противостоял накатывающимся волнам любви, но в итоге был поглощен стихией бездны.

С течением времени информация об этой любовной связи, став уже устаревшей для всего батальона, достигла кабинета замполита. Лейтенант Казаков был вызван на обстоятельную беседу, но, как оказалось, она эффекта не возымела. Жена Казакова, то ли по женской интуиции, то ли по случайно дошедшей информации, срочно покинула своих родителей и прилетела с маленьким сынишкой в суровое Забайкалье, а если точнее с коляской прямо в кабинет к сво-

ему законному супругу. Что происходило в этом реакторе страстей в течение последующих дней, осталось в глубинах душ действующих лиц.

Иногда утром, но чаще в обеденное время, Шувалов, проходя мимо аптеки, видел молоденькую девушку с коляской, в которой мило спал малыш. Лицо у девушки было красиво своей молодостью, но грустно. Казалось, что она вот-вот расплачется. Ведущий дивизионный хирург здоровался с ней, пытаясь приободрить. Она отвечала на приветствие, изображая необходимую в таких случаях улыбку. Через две недели к ней приехала мать, взяла дочь и внука и увезла на свою родину.

ИСПЫТАНИЕ ИЗДЕЛИЯ

Есть такой фразеологизм: «изобретать велосипед», смысл которого всем известен. Тем не менее, зачастую тщеславно пытливый, пронырливый, ищущий и вечно неудовлетворенный человеческий ум не останавливается в своих странствиях, добывая знания и, предлагая иногда парадоксально удивительные перевоплощения уже изобретенных вещей. Военная медицина, пусть и отстает в развитии методов спасения от стремительного взлета средств уничтожения, но тоже движется вместе с прогрессом.

Хирургия на первый взгляд кажется довольно консервативным разделом медицины, где однажды освоенные приемы и методики остаются незыблемыми. Это действительно имеет место, но доводка и улучшение качеств «велосипеда» продолжается. Каждый практикующий врач – главный оппонент, критик и оценщик всех новых веяний.

Когда спал трудовой ажиотаж первой половины дня, были проведены плановые операции и сделаны перевязки, сняты перчатки, маски, бахилы, шапочки и халаты и всей душой хотелось окунуться в нирвану обеденного покоя, Шувалова вызвал командир части.

– Нужно испытать одно новое изделие и дать заключение о перспективах его применения, – без предисловий начал разговор майор Гуров.

Так как Василий Фомич был постоянно загружен практической работой, его редко привлекали для экспертных работ по новой технике. Последний раз это случилось в прошлом году при испытаниях машины под названием автомобильная перевязочная.

– А когда надо начинать? – поинтересовался Шувалов.

– Сразу после обеда.

– В какие сроки требуется уложиться?

– В одну неделю. Распоряжения все даны, команда скомплектована. От вас требуется участие в качестве специалиста. Сбор в пятнадцать ноль-ноль на плацу.

Больше никаких пояснений не последовало.

Позволю себе небольшое отвлечение. Если обратиться к истории изобретений зеркал, то оказывается, что этот предмет существует уже несколько тысяч лет. О свойстве зеркальных поверхностей отражать не только свет, но и тепло узнали позже. Эта способность используется в термосах.

В назначенное время участники испытаний собрались на плацу. Было солнечно. На сопках расцветал багульник. На полигон шли налегке. Только у командира учебной роты капитана Зотова была медицинская сумка через плечо. Шувалов ожидал увидеть на месте прибытия очередное техническое изделие медицинской направленности, но там было пусто. Зотов остановился, снял сумку и положил ее на траву. Неподалеку росли сосны и были нагромождения валунов.

– Ну, что приступим! – послышался голос Зотова и он, расстегнув сумку, достал из нее небольшие пакеты, размером с блокнот в упаковке светло-серого цвета и раздал всем участникам. Внутри оказалась синтетическая пленка, с одной стороны которой было какое-то металлическое напыление, отражавшее изображения, как зеркало, со второй беловатое синтетическое покрытие. Как оказалось, все было банально просто. В эту пленку предполагалось в зимнее время укутывать раненых при транспортировке отражающей поверхностью внутрь, а летом, наоборот – отражающей поверхностью наружу. Испытуемые из числа курсантов заворачивались в эти пленки и превращались в ослепительно сверкающие свертки. «Прекрасная цель для вражеской стороны», – подумал Шувалов. Изделие оказалось прочным на разрыв, правда резалось и прокалывалось, не горело, а только плавилось. Шувалов поместил ладонь между отражающими поверхностями, и сразу почувствовал тепло. Курсанты еще несколько дней в послеобеденное время терзали эту пленку. Поврежденные экземпляры, а по завершении испытаний,

и все оставшиеся, были розданы желающим из числа любителей охоты и рыбалки, чему те были весьма рады.

КОНФЛИКТ

«Только смерть освобождает от политзанятий!» – такой лозунг был на вооружении у молодого заместителя командира медицинского батальона по политической работе старшего лейтенанта Демьянова Николая Владимировича. Врачи медицинской роты вызывали в нем раздражение с первых дней пребывания его в этой должности. Они были постоянно заняты, вечно ссылались на необходимость осматривать поступающих больных. Заведующий хирургическим отделением капитан Шувалов Василий Фомич, временно исполнявший обязанности также ведущего хирурга, как казалось замполиту, поощрял такое поведения у своих подчиненных. У Демьянова зрело убеждение, что врачи «злоупотребляют» своей практической занятостью, уклоняясь таким образом от его правильного идеологического воздействия. Николаем Владимировичем его называла только штабная секретарь-машинистка, а остальные обращались, или упоминали, называя звание или должность. Принадлежность к партийной элите он любил демонстрировать даже во взаимоотношениях с командиром части, что создавало вокруг него ауру официоза. Надо отдать ему должное – до снобизма он не возвышался, умел вести грамотно беседы, проводя в массы рядового, сержантского и офицерского состава единственно правильную линию партии. За деятельностью врачей хирургов и одного офицера терапевта он по своим налаженным каналам организовал контроль, но к его досаде накопать ничего существенного не удавалось. Перенос же спланированных им занятий был равнозначен вырыванию из его рук куска хлеба, ароматного, свежеиспеченного, мягкого, греющего своей теплотой. С врачами из учебных взводов у него не возникало проблем. Все работали, как винтики, мечтая когда-нибудь перейти на практическую работу, а без положительной, вернее, безупречной партийной характеристики шансов осуществить эту мечту не было. На воображаемые им весы добродетели, где превалирование груза его обязанностей было неоспоримо, иногда падала песчинка сомнения в пользу его противников, особенно когда ему представлялся портрет бородатого античного врача Гиппократа, висевший в ординаторской у хирургов. У него в кабинете на стене был величественный портрет генсека.

Утром в положенное время в учебный класс прибыли офицеры из медицинской роты – хирурги и единственный имевшийся по штату терапевт. Анестезиолог остался готовить больного с разлитым перитонитом на операцию. Едва старший лейтенант Демьянов начал свое идеологическое внушение, как в дверях, словно провидение возник посыльный из операционного блока и сказал:

– Просили передать капитану Шувалову, что больного уже подали в операционную.

Демьянов с гримасой недовольства прервал чтение и спросил:

– Что у вас там за больной?

– Прободная язва. Недавно поступил. Я осмотрел его и дал команду готовиться на операцию. Еще один больной находится в приемном отделении. Тоже придется оперировать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.